

Билингвальное творчество: языковое переключение или языковой сдвиг?

Создание одним и тем же автором текстов, относимых к литературному творчеству, более чем на одном языке имеет древнюю историю. Они могли носить характер как оригинальных произведений, так и автопереводов с большей или меньшей степенью переработки первичного текста. Цель настоящей статьи — рассмотрение некоторых случаев авторского билингвизма/полилингвизма и анализ его разновидностей. Материалом исследования послужило творчество ряда авторов, живших в различные эпохи (Иосифа Флавия, Ульриха фон Гуттена, Оскара Уайльда, Шолом-Алейхема, Владимира Набокова, Иосифа Бродского, Евгения Евтушенко и др.). Обычно в тех случаях, когда автор пользуется двумя/несколькими языками, наблюдается оппозиция родной язык — второй (третий и др.) язык. Особо стоит вопрос о возможности наличия более одного родного языка. Как правило, речь идет именно о живых идиомах, используемых соответствующими коллективами в качестве коммуникативного средства. Однако возможны и случаи, когда членом билингвальной пары является язык культуры (латынь и новые языки в эпоху Возрождения, идиш и иврит у ряда еврейских авторов и др.). Так или иначе, может возникнуть вопрос о том, насколько сбалансировано такого рода двуязычное творчество. Используя категории социолингвистики, его можно сформулировать следующим образом: сохранится ли у писателя языковое переключение (если да, то какова относительная значимость того и другого языка в его деятельности) и не приведет ли оно к языковому сдвигу, т.е. практически полному переходу на какой-то из членов билингвальной пары.

Ключевые слова: творчество, текст, билингвальный, язык, сбалансированность, языковой сдвиг, языковое переключение.

The writing of texts in more than one language by the same author referred to as a literary creation has a long history. It can be both the original composition and a self-translation by the author with a certain degree of revision of the initial text. The purpose of this article is to consider some cases of author's bilingualism / polylingualism and analyze its varieties. The material for the research includes literary creations of a number of authors who lived in different historical periods (Joseph Flavius, Ulrich von Hutten, Oscar Wilde, Vladimir Nabokov, Joseph Brodsky, Yevgeny Yevtushenko, Sholom Aleichem, etc.). Usually, in cases where the author uses two / more languages, the opposition of a native language / the second (third, etc.) language is observed. There is also a particular issue of treating the possibility of having more than one native language. In general, in such cases we deal with colloquial / modern languages used by corresponding communities as means of communication. However, there are also situations where one member of a bilingual pair is a language of the culture (Latin and new languages at the Renaissance, Yiddish and Hebrew among a number of Jewish authors, etc.). In any case, the question may arise as to how balanced this kind of bilingual creativity is. Using the categories of sociolinguistics, this issue can be formulated as follows: has the writer retained the code-switching (if yes, then what is the relative importance of both languages in his creative activity) and has it not resulted in a language shift, that is, an almost complete transition to one of the members of the bilingual pair.

Keywords: creative activity, text, bilingual, language, balance, language shift, code-switching.

Введение

Создание текстов, относимых к литературному творчеству, более чем на одном языке имеет древнюю историю. Если не останавливаться на древневосточных цивилизациях, то они существовали уже в античную эпоху. Следует упомянуть эллинистические государства, где греческий язык использовался и представителями местной образованности — египтянином Манефоном и вавилонянином Беросом. В современном понимании их труды, до нас, к сожалению, не дошедшие, не могут считаться «литературным творчеством», однако «в применении к античности само понятие «художественная литература» должно пониматься значительно шире, чем в применении к новым литературам. История, ораторское искусство, эпистолография, а отчасти и философская и научная литература были <...> особыми литературными жанрами» [1. С. 6]. Для Древнего Рима обращение к греческому языку в литературном творчестве также было обычным явлением (назовем ранних римских анналистов или также утраченную поэму Цицерона «О своем консульстве» (о ней см.: [2])). Продолжалась эта традиция и в эпоху Возрождения, и в Новое и Новейшее время, а в наши дни, нередко именуемые «эпохой глобализации», утверждения о том, что переход от языка к языку

в художественном творчестве представляет собой все более распространяющееся явление, охватываемое понятиями «транслингвизм» или «полилингвальность», стали своего рода «общим местом».

Указанные моменты свидетельствуют об актуальности изучения данного феномена как в синхроническом, так и в диахроническом плане, в частности с позиции рассмотрения причин, стимулирующих обращение автора к другому языку / другим языкам и его возможные результаты. Хотя количество идиомов, используемых одним и тем же писателем-транслингвом при написании литературных произведений, теоретически не ограничено, на практике чаще приходится сталкиваться с творчеством, носящим билингвальный (реже трилингвальный) характер, тогда как применение большего их количества скорее является исключением. Названное обстоятельство обусловило характер отраженного в предлагаемой статье материала и ее заглавие.

Определение понятия

Как уже указывалось, термин «литературный транслингвизм» достаточно широко распространен в современной науке. Однако говорить об однозначной его трактовке в различных трудах преждевременно. Поэтому считаем целесообразным коротко пояснить наше понимание термина, не претендуя на его абсолютный характер.

В недавно опубликованной статье американского ученого С.Дж. Келлмана, содержащей обстоятельное рассмотрение данного явления, содержится следующая формулировка: *I define the literary translanguaging as the phenomenon of writers who create texts in more than one language or in a language other than their primary one* [3. P. 337]. Приведенная дефиниция, на наш взгляд, позволяет уточнить некоторые моменты, связанные с понятием авторского транслингвизма (и билингвизма как его разновидности).

Во-первых, при таком понимании разграничиваются понятия литературного билингвизма в собственном смысле слова и произведений, содержащих билингвальные/полилингвальные элементы. В первом случае речь идет о создании каким-либо писателем *цельных текстов* на двух или более языках; во втором — о внесении в них иноязычных элементов на фоне того языка, на котором данный текст создан. Подчеркнем, что речь идет не о *количественной*, а именно о *качественной* характеристике. Например, написанные на французском языке стихи Ф.И. Тютчева по своему объему значительно меньше, чем французские фрагменты в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, но они дают основания говорить об *авторском билингвизме*, тогда как вторые позволяют констатировать *билингвизм автора*, но не меняют квалификации романа как русскоязычного произведения.

Во-вторых, процитированная формулировка наглядно демонстрирует, что транслингвизм (resp. билингвизм) может носить двоякий характер, определяемый в терминах социоллингвистики как *языковое переключение* (т. е. попеременное использование в литературном творчестве двух или более идиомов) и *языковой сдвиг* — прекращение использования одного языка и полный переход на другой. Целесообразно уточнить два момента: применительно к теме настоящей работы речь идет исключительно о языковом сдвиге в области литературного творчества, в других сферах данный идиом у автора может не только сохраняться, но и доминировать; сдвиг может идти не только от родного языка ко второму, но и в обратном направлении.

В-третьих, приведенное определение может быть распространено и на оригинальные произведения, и на феномен так называемого автоперевода, вследствие чего его также можно рассматривать как явление литературного би-/полилингвизма. Хотя указанное явление имеет место в мировой литературе с давних времен и широко представлено и Новейшее время (достаточно назвать имена В. Набокова, Е. Евтушенко, И. Бродского и др.), его статус остается дискуссионным, а сама его возможность нередко ставилась под сомнение. Показательным представляется высказывание Е.В. Витковского об этой стороне творчества Е. Евтушенко: «<...> ничего плохого о нем сказать не хочу, но думаю, что это ему только кажется, что те стихи, которые он сделал на испанском или по-английски, являются его автопереводом» [4. С. 28]. Е.В. Витковский высказывает аналогичное суждение и об И. Бродском:

«У Бродского есть автопереводы на английский язык, но Вы можете посмотреть, до какой степени это другие стихи. <...> Автоперевод, по моим понятиям, — это чистейшее надувательство, причем не столько надувательство читателя, сколько обман самого себя» [4. С. 2–29].

О факторах, обуславливающих литературный билингвизм

Причины, по которым тот или иной автор осуществляет творческий процесс на двух/нескольких языках, весьма разнообразны. Определенную, а порой и решающую роль могут сыграть факторы чисто субъективного порядка, связанные с индивидуальными вкусами или пристрастиями творца и далеко не всегда поддающиеся рациональному объяснению. Однако существуют и вполне объективные обстоятельства, во многом обуславливающие подобный «лингвистический дуализм», которые могут сочетаться с субъективными и переплетаться с ними.

Если говорить о «внутригосударственном» авторском билингвизме, когда писатель принадлежит к этносу, язык которого в данном государстве не является доминирующим (например, соотношение русского языка с другими языками народов, образующих Российскую Федерацию), то одной из наиболее естественных и очевидных причин может стать потребность расширить читательскую аудиторию, обратившись к идиому, понятному на всей территории данной страны. В этом случае возможно как языковое переключение (творчество на «местном» идиоме, предназначенное, главным образом, для «своих» читателей, наряду с произведениями, рассчитанными уже на иную читательскую аудиторию), так и изначальный языковой сдвиг, при котором все творчество протекает на языке, который (используем приведенное определение) является *other than primary one*, т.е. отличается от первого (родного) языка. В некоторых случаях может возникнуть вопрос о том, не являются ли оба используемых в творчестве языка для автора «родными». Такая возможность признавалась весьма авторитетными учеными, в числе которых, в частности, был и В.Г. Костомаров, уточнявший, что «нельзя жить одновременно в двух культурах» [5] (хотя этот тезис не разделяется многими исследователями, о чем свидетельствует широко используемое в настоящее время понятие бикультурной идентичности).

Использование другого языка с целью расширения читательской аудитории необязательно связано с его политическим доминированием, поскольку могут действовать и факторы культурного характера, не всегда напрямую обусловленные политическим господством. Здесь опять-таки можно вспомнить опыт античной эпохи, когда римские авторы обращались к греческому языку и после того, как и сама Греция, и возникшие после распада империи Александра Македонского эллинистические государства попали под власть Рима. Эта тенденция отразилась в той или иной степени у многих представителей римской культуры — будь то ранние анналисты или император Марк Аврелий. Ее сущность была сформулирована Цицероном, заметившим в одной из своих речей, что по-гречески читают повсюду, а латинский язык замкнут в своих достаточно узких пределах: *Graeca leguntur omnibus fere gentibus, Latina finibus suis, exiguis sane, continentur*. В наши дни в такой роли нередко выступает английский язык, хотя в данном случае ориентация направлена не внутрь страны, в которой этот язык не является национальным языком, а за ее пределы.

Другой достаточно частой причиной писательского двуязычия, когда внешняя обусловленность проявляется особенно заметно, может быть признана *смена самой аудитории*, имеющая место при эмиграции (добровольной или вынужденной). В первую очередь вспоминаются деятели отечественной культуры прошлого века (от Владимира Набокова до Иосифа Бродского), оказавшиеся по различным причинам за пределами «русского мира».

Не так заметно влияние внешних факторов в тех случаях, когда на передний план, во всяком случае с точки зрения самого автора, выступают моменты, связанные с эстетическими и стилистическими соображениями. Характерным можно считать объяснение обращения к французскому языку, содержащееся в одном из интервью Оскара Уайльда: *My idea of writing the play was simply this: I have one instrument that I know I can command, and that is the English language. There was another*

instrument to which I had listened all my life, and I wanted once to touch this new instrument to see whether I could make any beautiful thing out of it [6]. Из писателей последующего периода вспоминают в этой связи С. Беккета. Один из видных театроведов и критиков XX в. М. Эсслин, с именем которого связывают появление понятия «театр абсурда», подчеркнул, что на первый взгляд в данном случае отсутствовали обычные факторы внешнего характера, о которых уже говорилось:

Многие писатели обрели славу благодаря книгам, написанным не на родном языке; но, как правило, к этому их вынуждали обстоятельства. Изгнание, желание оборвать связи со своей страной по политическим или идеологическим причинам или же стремление добиться, чтобы их читал весь мир, и он, гражданин маленькой страны, Румынии или Голландии, языками которых пользовалось малое количество людей, мог бы влиять на мир. Эти причины вынуждали писать на чужом языке. Но Беккет не был изгнанником в полном смысле этого слова, и его родной язык стал универсальным языком XX века. Для создания своих шедевров Беккет избрал французский, потому что ему была необходима дисциплина, которую требовало использование чужого языка. Аспирант, писавший диссертацию о творчестве Беккета, спросил его: почему он пишет на французском, Беккет ответил: "Parce qu'en français c'est plus facile d'écrire sans style" («Потому что по-французски легче не соблюдать стиль»). Иными словами, родной язык искушает писателя прибегать к виртуозному стилю ради самого стиля; чужой язык позволяет достичь отточенного стиля, предельной ясности и экономности, используя характерные для этого языка обороты [7],

хотя этому могли способствовать и некоторые биографические обстоятельства (в частности, см.: [8. С. 22–23]).

Литературный билингвизм и уровень владения языком

Поскольку литературное творчество традиционно рассматривается как своего рода высший уровень использования языка (ср. распространенное определение писателей как «мастеров слова»), постольку было бы логично ожидать, что для его представителей, использующих при создании своих произведений более одного языка, должно быть характерно наличие абсолютного (или близкого к таковому) билингвизма, предполагающего уровень владения вторым языком практически идентичный его носителям, в том числе и в сфере устной коммуникации. В определенных случаях такое предположение приходится считать справедливым относительно англоязычного творчества, например, Владимира Набокова, для которого английский, если принять тезис о возможности наличия двух родных языков, был именно таковым — каких-либо сомнений в этом обычно не возникает. Однако вряд ли названный момент является решающим: у Иосифа Бродского, овладевшего английским уже в зрелом возрасте, фонетическая интерференция до конца жизни была весьма заметной. Если отвлечься от собственно литературного (т.е. относящегося именно к художественной литературе) би-/полилингвального творчества, то можно вспомнить слова А.К. Жолковского о впечатлении, которое произвело на него услышанное в Москве выступление Р.О. Якобсона:

Удивил — и заставил разнообразно задуматься — и густой, нимало не скрываемый русский акцент в английском языке, что-то вроде Год из гуд, зеэрфор Хи из. Впоследствии я узнал ходившую в кругах западных филологов шутку о Якобсоне, который «свободно говорит по-русски на семи языках». (В Америке же мне пришлось столкнуться с более или менее единогласным отрицательным мнением носителей языка о стиле его научного письма.) [9].

Что касается самого И. Бродского, то, с одной стороны, отвечая на вопрос интервьюера: «А вы хотите в итоге стать двуязычным поэтом?», он довольно решительно ответил: «Вы знаете, нет. Эта амбиция у меня совершенно отсутствует, хотя я вполне в состоянии сочинять весьма приличные стихи по-английски» [10]. С другой стороны, в ответ на напоминание об одной посвященной ему статье, автор которой утверждал:

<...> писателем можно быть только на одном, родном, языке, что предопределено просто-напросто географией: даже с малолетства в совершенстве владея двумя или более языками, все равно не выйдет жить в двух мирах, всегда лишь один мир — твой, лишь одним лингвокультурным комплексом ты можешь сознательно управлять, а все остальные посторонние, как их не изучай, жизни не хватит, хлопот и ляпсусов не оберешься [11. С. 53],

он не менее решительно заметил:

Это утверждение вздорное, т.е. не вздорное, а чрезвычайно, как бы сказать, епархиальное, я бы сказал, местечковое <...> я вполне допускаю, что кто-то на моем месте мог быть и тем и другим, т.е. сочинять стихи и по-английски, и по-русски. Более того, я думаю, что это и произойдет в конечном счете, если мы говорим о будущем [10].

Характерно, что в этом же интервью И. Бродский согласился со словами своего собеседника, которыми и сам характеризовал себя: «Вы русский поэт, но и американский, эссеист, — добавив при этом, — думаю, что это вообще идеальная ситуация — быть русским поэтом и американским эссеистом» [10].

Отметим, что и Джозеф Конрад, упомянутый И. Бродским в одном ряду с В. Набоковым, усвоил английский, как и сам Бродский, уже в достаточно зрелом возрасте. Хотя французским он, как и Набоков, владел с детства, однако подчеркивал, что распространенное представление, согласно которому ему предстояло выбирать между творчеством на двух неродных языках, является ошибочным, поскольку он всегда ощущал умение писать по-английски как некую способность, данную от природы, и можно сказать, что не он усвоил этот язык, а гений языка усвоил его:

The impression of my having exercised a choice between the two languages, French and English, both foreign to me, has got abroad somehow. That impression is erroneous <...> The truth of the matter is that my faculty to write in English is as natural as any other aptitude with which I might have been born. I have a strange and overpowering feeling that it had always been an inherent part of myself. English was for me neither a matter of choice nor adoption. The merest idea of choice had never entered my head. And as to adoption — well, yes, there was adoption; but it was I who was adopted by the genius of the language [12].

Однако при этом устная речь писателя производила на носителей английского языка впечатление, аналогичное тому, которое она вызывала при слушании И. Бродского и Р. Якобсона. Так, Бертран Рассел, вспоминая о своей первой встрече с Дж. Конрадом, отметил испытанное им удивление по этому поводу: *My first impression was one of surprise. He spoke English with a very strong foreign accent* [13].

Литературный билингвизм: «элитарный» и народный языки

В рассмотренных случаях членами оппозиции «родной»/«иной» языки литературного творчества выступали «живые» идиомы, используемые тем или иным коллективом (коллективами) в качестве первого усвоенного средства коммуникации. Однако возможна, а в определенные эпохи даже выдвигается на первый план, ситуация, когда в названном качестве фигурируют, с одной стороны, язык, признаваемый «мертвым», т.е. лишенный коллектива, исконных носителей, но рассматриваемый как язык культуры (в широком смысле слова), а с другой — народный язык, уступающий ему в престижности, но воспринимаемый как «природный». В европейском ареале наиболее показательна в этом отношении была эпоха Возрождения, характеризовавшаяся утонченной гуманистической латынью, которая была единственным средством литературного творчества у некоторых авторов (наиболее известный случай — Эразм Роттердамский), а также применением обоих членов билингвальной пары, нередко с определенным функциональным распределением. Можно вспомнить творчество Франческо Петрарки, публицистическое и эпистолярное наследие которого почти полностью латиноязычное, но знаменитые сонеты, обеспечившие поэту литературное бессмертие, написаны по-итальянски (хотя языком, например, поэмы «Африка», сюжет которой взят из римской истории, была все-таки латынь).

Такого рода «билингвальная гармония» не отменяла оппозиции «свой»/«чужой», обострившейся в эпоху Реформации. В наиболее яркой форме этот языковой конфликт отразился в творчестве современника Эразма Роттердамского — Ульриха фон Гуттена, подчеркнувшего в одном из своих поэтических произведений отказ от непонятной массам латыни в пользу родного немецкого

Latein ich vor geschrieben hab
 Das war ein jeden nit bekannt.
 Jetzt shrei ich an das Vaterland
 Deutch Nation in ihrer Sprach
 Zu bringen diesen Dingen Rach [14. S. 269].

В определенной степени аналогичные соображения обусловили на рубеже XIX и XX вв. и деятельность классиков еврейской литературы на идише — Менделе Мойхер-Сфорима [Шолом-Янкева (Якова) Абрамовича], Ицхок-Лейбуша Переца и наиболее известного из них — Шолом-Алейхема [Шолома (Шалема) Рабиновича]. Для всех трех первоначальным языком творчества был иврит — религиозный и культурный язык иудаизма (причем Ицхок-Лейбуш Перец в юности писал и по-польски, а у Шолом-Алейхема есть и русскоязычные произведения). Однако удельная роль обоих языков была у них неодинаковой. Так, один из исследователей отмечал: «В этом плане Шолом-Алейхем резко отличается от Менделе и Переца, творчество которых на идише и на иврите сопоставимо и по своему объему, и по значению для еврейской литературы» [15].

Однако у всех трех в конечном счете доминирующим литературным языком стал идиш — именно как народный язык той среды, среди которой они родились и которой в первую очередь были адресованы их произведения. В отличие от случая с Ульрихом фон Гуттенем язык культуры не был «чужим», но элитарным он, несомненно, являлся, тогда как отношение к идишу в образованной иудейской среде было весьма неровным. Ряд факторов привел к тому, что национальным языком государства Израиль стал именно иврит. Таким образом, «иврит и идиш словно поменялись местами. На живом современном иврите заговорила израильская улица, а идиш ушел из жизни в область этнографии: переместился с улиц и из домов в библиотеки, университетские аудитории, на фестивальные подиумы и театральные подмостки. Только ортодоксальные хасидские семьи, в основном в США и Израиле, по-прежнему говорят на идише, оставляя иврит для общения со всевышним» [16]. Как заметил американский писатель Исаак Башевис Зингер, ставший лауреатом Нобелевской премии по литературе 1978 г. и писавший на идише, хотя иврит считался мертвым языком на протяжении двух тысяч лет, но удивительным образом стал живым; не исключено, что такое же чудо может произойти и с идишем, хотя трудно вообразить, как оно может произойти: *For 2000 years Hebrew was considered a dead language. Suddenly it became strangely alive. What happened to Hebrew may also happen to Yiddish one day, (although I haven't the slightest idea how this miracle can take place)* [17].

Заключение

Литературный билингвизм / полилингвизм представляет собой сложное и в определенной степени противоречивое явление. Условно можно говорить о следующих его разновидностях: относительно сбалансированное использование двух или более языков в литературном творчестве нередко с функциональным распределением между ними (например, у И. Бродского); наличие языкового доминирования в творческом процессе, не приводящее к полному отказу от другого языка / языков (деятельность Шолом-Алейхема); практически полный переход на второй язык (произведения С. Беккета) в художественных произведениях. Если первые два случая могут быть рассмотрены в терминах социолингвистики как различные виды языкового переключения, то третий — целесообразно квалифицировать как проявление языкового сдвига.

Литература

1. История греческой литературы. Т. 1: Эпос, лирика, драма классического периода / под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.

References

1. Istoriia grecheskoi literatury. T. 1: Epos, lirika, drama klassicheskogo perioda / pod red. S.I. Sobolevskogo, B.V. Gornunga, Z.G. Grinberga, F.A. Petrovskogo, S.I. Radtsiga. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1946.

2. *Bugaeva N.V.* Утраченные сочинения Цицерона: поэма «О своем консульстве» // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 48–492.

3. *Kellman S.G.* Literary translanguaging: What and why? // Polilinguality and Transcultural Practices. 2019. Vol. 16. No. 3. P. 337–346.

4. Quo vadis — к оригиналу или от оригинала? (Интервью с Евгением Витковским) // Чайковский Р.Р. Поэтический перевод в зеркале мнений (15 интервью). Магадан: Кордис, 1997. С. 21–32.

5. *Kostomarov V.* Могут ли у человека быть два родных языка? Безусловно... // ЦентрАзия. 2013. 27 февраля. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1361940960> (11.09.2021).

6. *Eells E.* Wilde's French Salomé. 72 Automne 2010. Studies in the Theatre of Oscar Wilde. URL: <https://journals.openedition.org/cve/2729?lang=fr> (10.10.2021).

7. *Эсслин М.* Сэмюэль Беккет. В поисках себя. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-franciya/esslin-bekket-v-poiskakh-sebya.htm> (09.10.2021).

8. *Семенченко Ю.И.* Жанровый эксперимент в малой франкоязычной прозе С. Беккетта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2021.

9. *Жолковский А.* Эросипед и другие виньетки. Роман Осипович Якобсон. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=174947&p=49> (12.10.2021).

10. Интервью Иосифа Бродского. Джон Глед — Иосиф Бродский. URL: <http://book.net/index.php?chapter&bid=4012&chapter=22> (13.10.2021).

11. *Лосев А.* Английский Бродский // Часть речи. Альманах литературы и искусства. Вып. 1. Нью-Йорк: Серебряный век, 1980. С. 53–60.

12. *Conrad J.* Notes on my books. URL: <http://www.online-novels.com/notes-on-my-books/19457.html> (15.10.2021).

13. *Russell B.* Joseph Conrad. URL: https://www.russell-j.com/1040-J_CONRAD.HTM (15.10.2021).

14. *Flakke O.* Ulrich von Hutten. Biographie. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1983.

15. *Чернин В.* Послесловие переводчика // Иерусалимский журнал. 2010. № 35. URL: <https://new.antho.net/wp/jj35-velvl-chernin/> (16.10.2021).

16. *Аграновская М.* Идиш: этот сладкий язык — «маме лошн». URL: <https://marinagra.livejournal.com/43674.html> (17.10.2021).

17. *Singer I.B.* Banquet speech. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1978/singer/speech/> (17.10.2021).

2. *Bugaeva N.V.* Utrachennyye sochineniya Tsitserona: poema "O svoem konsul'stve" // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia. 2013. No. 6. S. 48–492.

3. *Kellman S.G.* Literary translanguaging: What and why? // Polilinguality and Transcultural Practices. 2019. Vol. 16. No. 3. P. 337–346.

4. Quo vadis — k originalu ili ot originala? (Interv'iu s Evgeniem Vitkovskim) // Chaikovskiy R.R. Poeticheskii perevod v zerkale mnenii (15 interv'iu). Magadan: Kordis, 1997. S. 21–32.

5. *Kostomarov V.* Mogut li u cheloveka byt' dva rodneykh iazyka? Bezuslovno.... // Tsentraziia. 2013. 27. fevralia. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1361940960> (11.09.2021).

6. *Eells E.* Wilde's French Salomé. 72 Automne 2010. Studies in the Theatre of Oscar Wilde. URL: <https://journals.openedition.org/cve/2729?lang=fr> (10.10.2021).

7. *Esslin M.* Samuel Beckett. V poiskakh sebia. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-franciya/esslin-bekket-v-poiskakh-sebya.htm> (09.10.2021).

8. *Semenchenko Yu.I.* Zhanrovyy eksperiment v maloi frankoiazychnoi proze S. Becketta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D, 2021.

9. *Zholkovskiy A.* Erosiped i drugie vin'etki. Roman Osipovich Iakobson. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=174947&p=49> (12.10.2021).

10. Interv'iu Iosifa Brodskogo. Dzhon Gled — Iosif Brodskii. URL: <http://book.net/index.php?chapter&bid=4012&chapter=22> (13.10.2021).

11. *Losev A.* Angliiskii Brodskii // Chast' rechi. Al'manakh literatury i iskusstva. Vyp. 1. New York: Serebrianyi vek, 1980. S. 53–60.

12. *Conrad J.* Notes on my books. URL: <http://www.online-novels.com/notes-on-my-books/19457.html> (15.10.2021).

13. *Russell B.* Joseph Conrad. URL: https://www.russell-j.com/1040-J_CONRAD.HTM (15.10.2021).

14. *Flakke O.* Ulrich von Hutten. Biographie. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1983.

15. *Chernin V.* Posleslovie perevodchika // Ierusalimskii zhurnal. 2010. No. 35. URL: <https://new.antho.net/wp/jj35-velvl-chernin/> (16.10.2021).

16. *Agranovskaya M.* Idish: etot sladkii iazyk — «mame loshn». URL: <https://marinagra.livejournal.com/43674.html> (17.10.2021).

17. *Singer I.B.* Banquet speech. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1978/singer/speech/> (17.10.2021).

Хухуни Георгий Теймуразович,
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры теории языка,
англистики и прикладной лингвистики
Московский государственный
областной университет

Khukhuni Georgy T.,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Theory of Language,
English Studies and Applied
Linguistics Department
Moscow Region State University

e-mail: khukhuni@mail.ru

Валуицева Ирина Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры теории
языка, англистики и прикладной
лингвистики
Московский государственный
областной университет

Valuitseva Irina I.,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Theory of Language,
English Studies and Applied
Linguistics Department
Moscow Region State University

e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

